

для неврастеников. Психопаты, покупайте продукты питания только здесь²¹

Лису он нарисовал так, что ясно было видно — моделью ему служила горжетка жены.

Появилось объявление о том, что продаются три метра гусиной куклы. Покупатели-то были, но им не понравилось — мало пупырышков.

В зале, где висели портреты композиторов с розовыми губами и в белых париках, это, как говорят, не звучало. Внезапно залепил аккомпаниатор. Он был похож на собаку и усердно скреб лапами по клавишам.

Звали ее почему-то Горпина Исаковна.

В коммунальной квартире жил повар Захарыч. Когда он напивался, то постоянно приставал к своей жене: «Я повар! А ты кто? Ты никто». Жена начинала плакать и говорила: «Нет, я кто! Нет, я кто!» Наконец, ее устроили на службу в музей при Антропологическом институте, уборщицей. Новое дело ей очень понравилось, и в квартире она сообщала соседкам новости: «Знаете, а у нас расовый отдел закрыли. Ремонт будут делать». Она даже повела одну из соседок в музей, и та долго потом приставала к антропологу с вопросом: «А что это у вас там жареный мужик лежит?» Это она видела мумию²².

Они сейчас начинающие писатели, но никак не могут этого понять. Им все кажется, что они главные.

Был он всего только сержант изящной словесности²³.

Он пришел в шинели пехотного образца и сразу же, еще в передней, начал выбалтывать государственные тайны.

Что вы смотрите на меня глазами газели, которой внезапно опадает беспартийный козел?²⁴

Мы пойдем вам навстречу. Я буду иметь вас в виду. Мы будем иметь вас в виду, и я постараюсь пойти вам навстречу. Все это произносится сидя, совершенно спокойно, не двигаясь с места.

Клиническая инфляция, болезнь изнурительная, вроде сахарного мочевыведения.

сентябрь—апрель

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ, КРИТИКА

H. Великая

„Черный камень“

История борьбы за власть Советов в Приморье полна ярких событий и подвигов; она дает литературе замечательный материал для создания полноценных художественных образов, имеющих действенную воспитывающую силу.

Изданная в 1954 году вторая книга романа «Черный камень» рисует период интервенции в Приморье.

На фоне приморской литературы роман К. Майбогова безусловно значительное явление. «Черный камень» — эпическое произведение большой объемности.

Первая книга, хронологически охватывающая период 1900—1918 годов, воссоздает историю рождения Сучанских рудников, развития революционного движения в Сучане и представляет собою широко развернутую предисторию гражданской войны.

История же гражданской войны, занимая во второй книге центральное место, разрастается в основную тему всего романа, обе книги которого объединены проблемой роста революционного сознания народа, тесно связанной с ней проблемой партийного руководства и проблемой дружбы народов.

Рассмотрим разработку ведущих проблем произведения, основные образы его, рассмотрим творческий «подчерк», художественную манеру автора.

Ведущая проблема романа — формирование революционного сознания рабочих. Рост их сознания идет под воздействием самой жизни, собственного сурового опыта

и под влиянием партии коммунистов, привносящей в среду рабочих элементы социалистического сознания, организующей их на борьбу. Оба эти фактора чрезвычайно тесно связаны, переплетены друг с другом.

Заслуга К. Майбогова заключается в том, что рабочую массу он нарисовал дифференцированно, степень развития сознания рабочих различна. Некоторые пассивно мирятся со своим положением: «Что поделаешь... такая наша участь», — говорит Алексей Ковалев. В иных рабочих развивается бессмысленная злоба друг против друга. Шахтеры Тимоха Таракин и Кирилка Бундарин, не разобравшись, кто прав, кто виноват, издеваются над стариком Василием Колесниковым, впервые спустившимся в шахту. Большая часть рабочих, внутренне протестуя против постылой жизни, не отыскала еще путей борьбы с нею и ищет утешения в кабаке, заливая пьяным буйством свою тоску, свое горе. Образ Васьки Сахалинца выразительно передает эту ступень сознания рабочих. И, наконец, есть в среде шахтеров люди, сознавшие необходимость борьбы с хозяевами. Терентий Большаков один из таких. Человек широкого русского размаха души, он любит волюшку вольную, остро ощущает несправедливость жизни и готов выйти «на кулачный бой» с хозяевами. Он стремится сплотить шахтеров для этого боя: «Среди нас должен быть сговор, дружба, от нее — никуда». Умной насмешкой, задушевной беседой воздействует Терентий на шахтеров, видящих только одно в жизни — кабак. Он еще ничего не знает о большевиках, но сам жизненный опыт ведет его к решению: чтобы жизнь не смяла, надо объединяться, бороться.

Так многогранно дав экспозицию, К. Майбогов пообщал нам многое, читатель ждет, как все эти линии автор сведет воедино, как раскроет постепенно рост сознания рабочих.

Хорошо показав объективные условия, которые ведут к развитию сознания, К. Майбогов стандартизировал разработку проблемы. Раскрывая этот процесс, он уже не дифференцирует массу рабочих, схематично и торопливо, без глубокого психологического обоснования дает перерождение героев (Васька Сахалинец).

В. И. Ленин отмечал, что революция представляет собой такую эпоху, когда развитие сознания рабочих идет

семимильными шагами. К. Майбогов слабо использовал возможность показать расцвет политического созревания народа в момент революции. Деятельность Андрея Журавлева в главах о революции заслонила собою почти все, народ остался в тени.

Гражданская война — новый подъем в сознании масс. В этот период формирование сознания идет в процессе столкновения с интервентами и силами контрреволюции. Лучшая, наиболее организованная часть рабочих сразу же начинает борьбу. Большевики организуют добровольные красногвардейские отряды. Основная горняцкая масса встречает японских и американских интервентов настороженной ненавистью.

Правдиво, с чувством такта написан эпизод с американскими подарками, показывающий отношение шахтеров к интервентам. Американцы, развивая свою «дипломатию», желая купить доверие народа дешевыми полусгнившими товарами, пытаются играть роль добрых заокеанских «друзей». Молчаливой враждебностью встречают горняки лицемерную игру интервентов. Рабочие не пришли к повозке с подарками, американцам удалось собрать лишь толпу женщин, стариков и детей. Но и большинству собравшихся ясен политический смысл затеянной американцами комедии. Дед Вавила, передавая настроение толпы, говорит американцу, предлагающему ему одеяло: «Суконной портянкой шахтера не купишь». К. Майбогов не пошел по пути лакировки действительности, он показал, что были среди рабочих и такие, кто польстился на «подарки».

С шахтерами, проявившими слабость, повели работу подпольные тройки, объяснили народу замысел интервентов. Под воздействием партии изменяется настроение наиболее отсталой части горняков, растет их сознание. Правда, К. Майбогов потерял тут чувство меры. Новоселов из слабого, колеблющегося человека превращается через два-три дня в стойкого, убежденного борца. Когда американцы избивают его, требуя выдать, кто велел вернуть подарки, Новоселов отвечает: «Ты можешь убить меня, но скажу тебе одно: русскую революцию одеялом не накрыть». Уж слишком поспешно провел К. Майбогов эту эволюцию. Действуя по заданной схеме (Н. был слабым, превращается в сознательного и воинственного), автор не насытил схему жизнью, скоростным мечтанием.

годом преобразил героя, не раскрыв внутренний процесс перелома в настроении его.

Стремление интервентов укрепить прежний дореволюционный порядок, лишить народ права на равенство и свободу, на национальную независимость, бесчисленные преступления интервентов и белогвардейцев доводят силу ненависти народа до высокого накала. Рабочие ищут путей борьбы.

Из настороженно-пассивного состояния горняки переходят к организованной активной борьбе. К. Майбогов отразил монолитность, спаянность поднявшихся против врага рабочих. Быстро реагируют они на указания партии, организуют массовый саботаж, выводят из строя транспорт, почти не подают уголь на-гора. Рабочие уходят в скопки, создавая костяк партизанского движения.

Роман правильно раскрывает основную линию развития сознания рабочих. Однако этот план произведения не лишен недостатков. Слабость разработки данной проблемы заключается в схематичности показа развития сознания рабочих, в отсутствии глубокого внутреннего раскрытия этого процесса, в нарочитой убыстренности его.

Досаду вызывает и то, что, ставя тему гражданской войны, К. Майбогов не разработал широко проблему политического созревания крестьянства. Эта проблема помогла бы показать организующую, руководящую роль пролетариата в партизанском движении, помогла бы углубить образ пролетариата. А ведь история гражданской войны в Приморье дает богатейший материал для этого.

Упустив эту тему, К. Майбогов обеднил показ гражданской борьбы, не выделил роль пролетариата, «угольного племени», как организующего, передового отряда борьбы, целеустремляющего общее движение народа. И кажется странным, когда С. Лазо, прежде чем создавать партизанскую армию, ставит перед собой цель превратить стихийно возникшие, анархически настроенные отряды в сплоченную и организованную силу.

Почему? — возникает вопрос. Ведь никакого стихийного движения нет. И тут только, когда Лазо поставил задачу борьбы со стихийностью, автор поспешно стремится укоренить это положение, и возникает в романе отряд Шевченко. Сам Шевченко выписан штамповально. Это ложный «батык», не признающий распоряжений штаба:

«Шо мени приказ, як шлея пид хвист. Я сам знаю, що робитъ». Цель свою он понимает очень узко — защищать лишь свое село. В отряде полное отсутствие дисциплины — вольница.

Автор, как это вообще свойственно его манере, чрезвычайно облегченно рисует перерождение отряда. Оно происходит в несколько минут, как по волшебному мановению. Стоило только С. Лазо произнести с возмущением речь: «Да разве же допустима такая самостоятельность. Я в категорической форме утверждаю — приказ всегда нужно выполнять. В борьбе с врагами выступать объединенными силами»... и сейчас же произошло чудо: весь отряд аплодирует Лазо и поступает так, как он велел. А. Шевченко, хотя и обижен на Лазо, что тот его «перед хлопцами осрамыв», внутренне сознает его правоту.

Вот так просто, без борьбы ликвидируется основной недостаток партизанского движения крестьян — стихийность. К. Майбогов и тут проявляет поспешность, схематизм в обрисовке изменения настроения отряда. Нет убедительности, нет жизненной правды в подобном отражении действительности.

Проблема партийного руководства в романе занимает значительное место. Автор стремится оттенить ведущую роль партии в процессе созревания сознания народа и его революционного движения. Однако и тут есть слабости в разработке вопроса. Роль партийного руководства осуществляется непосредственно Андреем Журавлевым, он действует один на рудниках, организуя вокруг себя рабочих. А ведь Сучан был пролетарским центром области, он должен был привлекать партийную организацию Приморья, однако, ни одного специально посланного для работы с горняками коммуниста К. Майбогов не показал.

Роль революционной интеллигенции, привносящей социалистическое сознание в народную массу, не показана. Образ учительницы Погодиной только намечен, и политическое лицо ее недостаточно определено, она ведет только просветительскую работу. Образ инженера Солнцева тоже эпизодичен. Сучан остается как-то вне внимания социал-демократической партии, шахтеры сами ищут связей с партией, но связь эта раскрыта декларативно. У Майбогова партия присыпает своего человека в Сучан лишь затем, чтобы объявить, что в России произошла социали-

стическая революция. Рисуя гражданскую войну, автор добился успехов более ощущимых, конкретней показана связь с центром, введен образ Сергея Лазо.

Проблема партийного руководства не приобрела необходимой рельефности и яркости из-за общей слабости образов, раскрывающих данную проблему.

Андрей Журавлев — основной образ, несущий в романе идею партийного руководства. Рабочий-донбассовец, он был связан с большевиками, участвовал в событиях 1905 года. На Сучане он ведет политическое воспитание рабочих, беседует с ними, организует их, возглавляет стачку, создает Совет рабочих и солдатских депутатов, руководит партизанским отрядом. Внешне все будто бы верно. Но эту правильную линию поведения Андрея Журавлева автор не смог превратить в живую картину, она осталась холодной схемой, чертежом. Главная беда в том, что образ Журавлева лишен жизни, он бесплотен, превращен в «рупор идей». Характер, его индивидуальность не раскрыты.

Обычно К. Майбогов при обрисовке Журавлева использует прием объективного перечисления замыслов и дел героя: «Журавлев решил объединить вокруг себя наиболее передовых шахтеров, заняться их политическим воспитанием».

Подобные информации сушат образ. Автор избегает обрисовки внутренних переживаний, внутренней жизни Андрея Журавлева. Действие развертывается на протяжении двух десятилетий, а образ Журавлева не развивается, не обогащается.

Во второй книге есть отдельные удачи в обрисовке Журавлева. Появляется стремление передать внутреннее состояние его, появляются живые искорки в образе. Так, например, К. Майбогов рисует сдержанного, внешне спокойного Андрея Журавлева, утешающего расплакавшегося от горя Кронида, который видел, как некоторые из горняков брали американские подарки. И тут же автор приоткрывает внутреннее тяжелое раздумье, горькое сознание Журавлева, что есть еще слабые люди, беспокойство о том, что сучанский уголь используют интервенты и белогвардейцы. К. Майбогов передает иногда настроение Андрея Журавлева. Это уже не каменная маска постоянно ровного состояния: Журавлев мучительно думает над тем,

как сорвать вывоз угля, радуется найденному решению, волнуясь докладывает свой план на заседании штаба. Но это лишь оживляющие детали, в целом образ требует доработки, избавления от схематизма. Главные, ведущие качества коммуниста — беспредельную преданность народу, революции, страсть борца, талант организатора, самоотверженность, героизм, оптимистическую веру в будущее — необходимо дать ярко, крупным планом; у Андрея Журавлева они только намечены.

Образ Синенко, руководящего шахтерами во время интервенции, дан еще менее удачно. В прошлом тихий и скромный коногон, он поставлен штабом во главе горняков, избран председателем стачечного комитета. Но почему ему поручено столь важное дело, какими качествами он обладает — неизвестно. Поступки Синенко не характеризуют его, как умного и талантливого организатора. Автор рисует нерешительность Синенко, который сам бичует себя за бездействие и незнание, как действовать. Работа Синенко носит очень наивный характер. Он с позволения американских властей созывает общее собрание рабочих. На собрании горняки требуют свержения колчаковской власти, предлагают американскому командованию ликвидировать колчаковцев. Синенко грозит, что в случае не выполнения их требований рабочие бросят работу и пойдут воевать. Мог ли умный руководитель так откровенно размаскировывать себя, мог ли ставить под удар порученное ему важное дело организации саботажа на шахтах? Подобные действия более чем наивны.

Во всей этой сцене отгуллены и американские интервенты. При всей их лицемерной игре вряд ли возможна была подобная ситуация. Бессмысленная нерасчетливость и безрассудство вообще свойственны Синенко. Находясь в нелегальном положении, руководя стачкой, он идет на американского полковнику Пендельтону, чтобы пешком к американскому полковнику Пендельтону, чтобы передать пакет от партизанского штаба с требованием отвести войска интервентов до станции Кангауз, и чуть не гибнет при этом.

К. Майбогов показал мужество и выдержку. Синенко при пытках, он умирает как герой. Но главное в этом об разе так и осталось не раскрытым.

И, наконец, особенно досадно, что не удался автору образ Сергея Лазо.

К. Майбогов задумал обрисовать образ Лазо много-
планового, но художественно воплотить замысел не смог.
Автор уводит нас как бы на боковую тропинку образа. Он
вычеркивает любознательность Сергея Лазо, его любовь к
труду, показывает, как он учится лапти плести (удачно
обрисована сцена), а самое главное остается в тени. Вли-
яние Лазо на народ подано чисто декларативно: «Вечером
у Бояко собрались крестьяне. Лазо рассказывал им о теку-
щем моменте и задачах трудящихся уезда». Вот и все.
Автор не показал, как ведет Лазо беседу с крестьянами,
как правда коммунистов становится после беседы особенно
осенней и близкой для людей, слушающих Лазо. Мы не
видим, как под влиянием С. Лазо идет формирование пар-
тийского движения. И когда на вопрос Лазо: «Как по-
загаешь, Степаныч, достигли мы цели своего похода?»
Журавлев отвечает: «Достигли, Сергей»... этому с трудом
веришь, потому что не показан был Лазо-организатор.

Нет в романе образа Лазо — пламенного борца за идею
свободы человека, одухотворенного и прекрасного, не
обрисован он как волевой и мужественный командир,
военный стратег. Рисуя бой у Романовки, который ведет
Лазо, Майбогов почему-то избегает возможности показать
хитрость, быстроту ума и ориентировки Лазо, его
смелость. Бой идет сам собою, Лазо не виден в бою. Он
обрисован лишь вначале, когда Лазо ловким движением
выхватывает из кобуры револьвер, и в конце, в момент
отступления: «Лазо шел последним».

Простое перечисление черт, свойственных герою, это
еще не образ, а Майбогов обычно пользуется этим прие-
мом: «Бойцы-партизаны, знавшие до этого Лазо как сме-
лого и волевого командира во время боев с белогвардей-
цами и интервентами, теперь видели и слушали его как
пламенного оратора и военного стратега».

В других авторских характеристиках Майбогов под-
черкивает непосредственность и простоту, обаяние Лазо,
которое вызывает к нему расположение и доверие, но этих
качеств автор не сумел передать в непосредственной жи-
вой форме.

Как и при разработке других образов, К. Майбогов,
рисуя Сергея Лазо, не отражает глубокую, напряженную и
сложную внутреннюю жизнь его. Даже единственную по-
литическую настроение Лазо автор затемнил ритори-

кой. Сергей Лазо любуется красотой природы. К. Майбогов
будто испугался выражения простого человеческого чув-
ства восторга перед природой и заставил Лазо рассуждать
об отношении большевиков к природе: «Но это лишь
внешняя прелест долины, чисто эстетическая, которую
большевики никогда не отрицали. Однако большевики по-
тому и являются большевиками, что они всегда, в любом
явлении, за чисто внешней оболочкой видят существо дела.
А каково это существо? Растительный мир долины —
богатейшие сорта древесины: дуб, кедр — не гималайский
и не ливанский, а русский, дальневосточный, — бархат,
железная береза».

Эта речь отдает нарочитостью, чувство естествен-
ности теряется.

К. Майбогов не создал цельного и живого образа Сер-
гея Лазо, темпераментного, талантливого большевика,
организатора и командира. Сущность новой социальной
силы, силы коммунистов, героев времени не раскрыта
глубоко. Автор не дал образ Лазо крупным планом. Более
того, сознательное заострение черт, выражающих сущ-
ность определенного явления, не только отсутствует, но
наблюдается даже какая-то сниженность в обрисовке об-
раза Лазо, так как не раскрыты ощутимо главные черты
коммуниста.

Слабость обрисовки образов коммунистов-руководите-
лей и общая декларативность разработки проблемы пар-
тийного руководства снижают достоинства романа. Необхо-
димо добиться предельного воплощения этой проблемы в
живую образную ткань.

Материал истории гражданской войны в Приморье
дает большие возможности для разработки проблемы дружи-
бы народов, солидарности трудящихся. Рядом с русскими
рабочими и крестьянами сражались китайские бедняки.

К. Майбоговым был интересно задуман образ китаи-
ца Фан Тина, придавленного жизнью, потерявшего семью
в голодную пору наводнения. Он ушел в Россию, чтобы
скрыться от Ху Хун-чу, от его жадности. Но и в России
над Фан Тином стоит новый «хозяин», содержатель ка-
бачка — Вей Ту. Вначале Фан Тин покорен и робок, в
душе его нет гнева. К русским он относится насторожен-
но и даже враждебно.

Первоначальное пробуждение его сознания происходит

после драматических эпизодов, когда русские шахтеры дважды спасают ему жизнь. Это стало началом дружбы Фан Тина с русскими рабочими. Он осознал, что его подлинный враг и кто другой. Фан Тин поверил в Терентия. Но это были лишь первые проблески сознания, до активного протеста Фан Тин не поднялся. Развитие его приостановилось на этом. Вынужденный скрываться от Вей Ту, он уезжает во Владивосток. Одиночный, он покорно влечит полуоголенное существование. В России что-то происходит, но он не понимает что. Наголодавшийся, бездомный Фан Тин попадает в белогвардейскую армию. Он был доволен тем, что спит в теплой казарме, имеет одежду, но стрелять в людей он не хотел, не хотел «учредилка починяй», которая ему совершенно не ясна. Когда Фан Тин узнает, что воюет против Терентия, друга своего, он уходит к партизанам.

Убедительные черты образа сочетаются с наспех набросанной схемой. Скоро и бегло Майбогов говорит в книге, что Фан Тин знал, за что он воюет, но этот последний этап созревания совершенно не развернут. Очень большое место занимает в эволюции Фан Тина элемент случайности; главным толчком для Фан Тина явилось то, что он воюет против друга Терентия. Верно намеченная эволюция в конце дана слишком торопливо.

Необходимо было ярче оттенить единство интересов, которое объединяет всех трудящихся.

Значительное место во второй книге отведено обличию белогвардейцев и интервентов. К. Майбоговым использованы новые собранные материалы, раскрывающие роль американской интервенции на Дальнем Востоке.

Американский империализм прикрывал свои подлые политики нейтралитета, болтовней о помощи советской России. Американцы пытались играть роль сторонних наблюдателей, присутствующих в России будто бы для порядка.

К. Майбогов обнажает суть стремлений американского империализма. Тайную политику ведет полковник Лоринг, выполняющий американскую миссию в России. Лоринг — это «варварство», он смертельно ненавидит большевизм, для него большевизм — это «варварство», он презирает русских, считая их ленивыми и неподвижными. Его цель «умело разить защиту уничтожения большевизма, чтобы при-

своить себе богатства России», превратить руками русских рабочих миллионы долларов в миллиарды прибылей. Лоринг ведет отвратительную двойную игру: подталкивает японцев и белогвардейцев на разгром большевиков, преследуя и цель уничтожения коммунистов и надеясь на вспышку ненависти населения к ним. Для себя Лоринг оставляет роль «доброго дядюшки», стремясь купить расположение народа, чтобы было легче поработить его. Лоринг не брезгует никакими средствами: он пускает в ход так называемую бескорыстную помощь — подарки, организует религиозные sectы, чтобы проповедью миролюбия, евангелия отвлечь от борьбы, чтобы под видом религиозной деятельности вести шпионаж.

Очень удачно автор нашел краски для образа полковника Лоринга. В нем переплетается внешнее добродушие, мягкость с жадностью, жестокостью, хитростью, лицемерием. Полковник Лоринг грустит о своем доме, с нежностью в голосе вспоминает свою дочь «маленькую Мэри», а на самом деле он безжалостное, жадное и хитрое чудовище, готовое на рабстве и страданиях людей строить свой бизнес. Автор сумел вскрыть в образе Лоринга отвратительную сущность лицемерного американского империализма.

Образы врагов внешне разнохарактерны и каждый из них выполняет свою композиционную функцию, раскрывая ту или иную сторону «деятельности» американцев в России. Лоринг — воплощение «дипломатии деловых людей», ремеслом полковника Робертсона является шпионаж. Робертсон — наглый и самоуверенный «завоеватель». Он презирает русских. Большевизм ему ненавистен. Цель его жизни — нажива, бизнес, стремление чужими руками построить свое благополучие.

К. Майбогов создал и образ, воплощающий американское солдафонство, грубую военщину. Американский капитан Боб — человек низменных инстинктов, максимально ограниченного сознания. Круг его интересов: девочки, виски, еда, игра в карты, пьяные дебоши. Грубый эгоист, он труслив в бою, «храбр» перед безоружным крестьянином-стариком. Это — громила и истязатель. Он поджигает школу, с улыбкой наблюдает, как из горящих домов выбегают в страхе дети и женщины.

И полковники Лоринг и Робертсон и капитан Боб —

итенцы одного гнезда. Действуют они по-разному, каждый отличается своими особенностями, но суть их одна.

Несколько особняком стоит образ переводчика Гарри. Он полон сомнений, осуждающие относится к «дипломатии» Лоринга и дикой наглости Боба. Но Гарри абсолютно пассивен, он лишен чувства общественного долга, высоких общественных целей. Гарри приехал в Россию, чтобы заработать доллары (за экспедицию в Россию хорошо платят), он мечтает получше устроить свою жизнь с Китти. Понимая, что попал в грязное дело, которое ему не нравится, он все-таки мирится со своим положением, ведь «деньги не пахнут», как говорят американцы. Эгоистичный расчет, бизнес и у него на первом плане.

Солдатская масса американской армии почти не обрисована. Еще Вс. Иванов в повести «Бронепоезд 14-69» (1921 год) показал, что американский рабочий, насильно привлеченный в Россию, солидарен с русскими, защищающими революцию. Эта тема у К. Майбогова не дана, о внутренних противоречиях американского лагеря сказано очень глохо. Обрисовывая японцев и белогвардейцев, К. Майбогов главным образом останавливается на их зверской жестокости, дает, пожалуй, чрезмерно много страшных картин истязания, описывая их с натуралистическими подробностями.

Несмотря на некоторую однолинейность, тема обличения белогвардейцев и интервентов разработана хорошо. К. Майбогов в заостренной форме раскрыл всю мерзость политики и действий врагов народа.

Итак, К. Майбогов, выдвинувший ряд важнейших проблем в своем романе, показал неодолимый рост революционного сознания народа, разгорающуюся ненависть его к врагам своим, раскрыл закономерность крушения бредовых замыслов белогвардейцев и интервентов.

Верное по своей идейной направленности произведение К. Майбогова не приобрело полную силу из-за своего художественного несовершенства.

Основанный на некоторых особенностях творческого метода К. Майбогова,

роман «Черный камень» — большое эпическое произведение, имеющее два композиционных плана: план борьбы различных революционного сознания рабочих и зажигательных народ («хозяев жизни», белогвардейцев,

интервентов). В основе сюжета лежит коллизийный антагонистический конфликт между рабочими и эксплуататорами, белогвардейцами и интервентами. Идея закономерности победы народа, неизбежности гибели его врагов — вот та внутренняя пружина, которая развертывает события.

Несмотря на то, что композиционная основа так ясна, роман не имеет общей композиционной слаженности, завершенности. Автор не определил для себя главные сюжетные линии, поэтому повествование как-то расплывается, рассыпается, главное затмевается несущественными мелочами.

Выделив персонажи, автор потом забывает о них, они сходят со сцены. Так, в начале книги большую роль играет Михаил Медведев, его поиски путей борьбы с врагами. Медведев уходит в партизанский отряд, и о нем потом лишь вскользь упоминается. В первой книге образ Сахалинца выписан довольно ярко. Это самобытная и сильная натура. Сознание его постепенно созревает, от пьяного бунтарства он переходит к осознанной борьбе. Из подобных колоритных фигур вырастали руководители партизанских отрядов. Но автор просто зачеркнул этот образ, Сахалинец исчез из второй книги.

Так необоснованно исчезают нужные образы, очень важные для раскрытия общей эволюции народного сознания, и возникают второстепенные, композиционная роль которых незначительна или даже ложна. Это создает композиционную громоздкость, распыленность. Так, например, вводится образ неверной жены партизана — Зинки Хитровой, которая пьянистует с Бобом, распутничает с ним. Для чего дан этот персонаж? Для характеристики американского капитала? Но он уже до этого в эпизодах с дочкой Хамова описан в данном плане, ничего нового история с Зинкой не приносит. Весь эпизод не только излишен, но и неестественен. Хитрова кончает жизнь самоубийством, убедившись в неверности Боба. Но ведь Зина — не наивная, увлекшаяся или соблазненная девушка, это развратная женщина, привыкшая изменять мужу. И драматизм здесь излишен, неестественен. Логика характера Зинки не приводит ее к самоубийству, поступок ее противоречит ее натуре.

Неоправданное появление новых образов и исчезнове-

ние ведущих лишает произведение композиционной стройности, завершенности.

Нет в романе напряженной динамики действия. Автор замедляет развитие действия бесконечным дублированием событий: вначале о событиях повествуется в публицистической форме, а затем сказанное иллюстрируется рядом эпизодов.

Тема требовала широкого охвата исторического материала. Если К. Майбогов в первом варианте первой книги изолировал Сучан от внешнего мира, то теперь он преодолел этот недостаток, попытался включить Сучан в исторический контекст. Однако важный и интересный материал введен в роман недостаточно удачно. Он не приобрел образной выразительности или хотя бы эмоционального тона подачи. К. Майбогов в публицистической форме лишь сухо перечисляет исторические факты.

Информации занимают многие страницы романа, исторический материал не врос в художественную ткань произведения, и это явно ощущается. Даже в том случае, когда исторические события поданы в пересказе персонажей, они не приобретают образности. И только эпизод расстрела рабочей демонстрации во Владивостоке дан выразительно, потому что он развернут в непосредственную картину.

Динамичность снижается и за счет введения излишних, ничего не дающих эпизодов. Каждое сюжетное положение должно привносить что-то новое, двигать общее развитие действия. У Майбогова часто встречаются, если можно так выразиться, «пустые» эпизоды, ничего нового не раскрывающие (например, розыски Криштопа).

Батальные сцены написаны бледно. Ни картины боя, ни состояния сражающихся автор не передает. Только в одном месте хорошо раскрыта трусость и эгоизм американского капрала. А героика партизан из-за общей слабости батальных сцен осталась не отраженной. Нет в романе ни одного яркого подвига, а ведь сколько их было в жизни.

Не передано в произведении постепенное нарастание драматизма и напряженности борьбы. В какой сложной обстановке была завоевана тут победа, сколько напряжения воли, сил, ума надо было, чтобы добиться торжества! У Майбогова все приобретает удивительно розовые тона. Бронепоезд партизан по дороге встречают ликующие тол-

пы народа, прямо парад какой-то. Где же восстание, почему же американские корабли покинули Владивостокский порт? Не борьба получилась, а игрушки, все происходит по щучьему велению.

Финал романа совсем слаб, никакого напряжения событий нет. Вместо того, чтобы показать грандиозный подъем народного движения, массовость, крепнущую силу его, показать общий натиск движения народа, автор рисует лишь мелкие эпизоды: партизаны организуют убийство предателя, убийство белогвардейца-мучителя — Таранова.

Досаднее всего, что общее снижение драматизма, облегченность показа борьбы, привели к тому, что герой, самоотверженность, высокая красота подвига народа оказались не отраженными. Так недостатки композиции снижают идеальное звучание произведения. В способе обрисовки образов тоже есть недостатки.

Роман охватывает большой период — 1900—1922 годы и требует подачи образов в их развитии, становлении. К. Майбогов обычно рисует экспозиционное положение, а потом торопливо, где-то за кулисами действия происходит формирование героя. Так происходит с Сахалинцем, Медведевым, Фан Тином. Отсутствие глубокого проникновения в суть эволюции образа, торопливость подачи ее придает образам схематизм, лишает их полнокровия. Образы молодежи неудачны. Характеры их, находящиеся в процессе становления, обрисованы очень бледно и как-то однообразно. Катя, Люба, Наташа, Соня, Кронид, Федя Морозов слабо индивидуализированы, трудно их представить себе, различаются они лишь именами.

Особенно жаль, что вожак молодежи Кронид так схематично и бледно дан в романе. Единственный раз Кронид превращается в живого человека, когда он с болью смотрит, как некоторые из шахтеров берут американские подарки, и, не умея сдержать своего горя, обиды за людей, плачет перед Журавлевым. Ни темперамента пылкого бойца, ни таланта организатора К. Майбогов в нем не показал.

Чрезвычайно обедняет образы отсутствие многогранности в изображении характеров и отсутствие глубокого психологического анализа.

У Майбогова внутренний мир героев, чувства героев,

переживания, думы не раскрыты, а ведь сама проблема созревания сознания требовала углубленного показа внутренней эволюции.

Во второй книге романа автор предпринял попытку дать психологическую характеристику, но робко и не всегда удачно. Отсутствует психологическая точность зарисовок. Вот, например, Катя Ковалева, простая девушка-горнячка, любяясь солнечным пейзажем, восторженно думает:

«Какое ласковое солнце. И эта без единого облачка голубизна — просторная и бесконечная. Слияться бы с ней и пить бы ее всем существом, не отрываясь».

Вся эта внутренняя речь не соответствует образу Кати. Откуда такой книжный, сугубо литературный язык? Это голос не горнячки, а гимназисточки какой-нибудь. Радость, любование природой Катя проще и прямее выражает. Автор не нашел нужной формы для обрисовки настроения девушки.

Иногда у Майбогова бывают и удачи. Черная безысходная тоска управляющего Горского, его надрыв показаны убедительно. К сожалению, удачи редки. Отсутствие умения проникнуть во внутренний мир героев привело образы к психологической обедненности. Красота души поднявшегося на борьбу народа осталась не раскрыта.

Из различных компонентов образа К. Майбогов использует часто прием речевых характеристик. Но в целом речь мало индивидуализирована. Если не назван герой, произносящий ту или иную фразу, то по форме речи не определишь, кому она принадлежит. Язык Андрея Журавлева как-то засущен, лишен красок, заштампован. Он говорит так:

«Товарищи, мы должны решить вопрос об отношении к врагу. Отношение горняков к интервентам понятно и хорошо известно. Оно проникнуто ненавистью. Интервенты пришли, чтобы силой оружия уничтожить власть Советов».

Ведь Андрей — человек старой рабочей гвардии, а не записной газетчик. Откуда у него этот стандарт в языке?

Правда характера, образа, психологическая отточность в речи не ощущаются. Тусклы диалоги в общих сценах. Иногда мелькнет удачная фраза, но характеров в диалогах не видно.

Однако у К. Майбогова встречаются и яркие речевые портреты. Речь Терентия, спокойная, сдержанная, насыщенная народной лексикой, пословицами, очень хорошо передает его характер. Грубая, отрывистая, всегда состоящая из резких вопросительных и восклицательных фраз речь американского капрала находится в полном соответствии с его характером. Речевую характеристику Боба в некоторых местах портит лишь необоснованно проявляющийся грузинский акцент: «Ты партизан? Зачем бросы свой дырэвна?», «Пула летят три аршина», «одын вопрос». Звука «ы» в английском языке вообще нет, и подобный акцент невозможен.

Иногда К. Майбогов удачно находит отдельные речевые детали. Так, белогвардеец, жестокий мерзавец, готоваясь к пытке, говорит: «А теперь приготовьте прутики». И это слово, ласковое слово «прутики» великолепно вскрывает сущность бандита, который самозабвенно истязает людей.

Но эти отдельные находки не покрывают общей бледности и слабой индивидуализации речевых характеристик.

Творческой манере К. Майбогова не свойственна ни внутренняя обрисовка характера через психологические переживания, ни обрисовка внешнего портрета. К портрету автор прибегает очень редко и обычно рисунок его не имеет глубокой выразительности, не связывается с внутренним строем образа. Портрет у Майбогова — это лишь внешний признак, не раскрывающий суть характера. Вот, например, портрет Андрея Журавлева: «среднего роста, одет в черную дешевого сукна пару, темносинюю рубашку-косоворотку, на ногах рабочие ботинки. Лицо его худощавое, с землистым оттенком». Портрет Синенко: «белый, прорезанный тонкими морщинами лоб, взъхренные русые с каштановым отливом волосы, коричневые добрые глаза, широкий нос и на левой щеке две синих отметины».

Все это лишь простой перечень внешних черт, почти ничего не говорящих о характере человека. Портрет у К. Майбогова всегда статичен. Обрисовав его бегло один раз, автор не вспоминает больше о нем. Действие развертывается во времени, герой попадает в различные ситуации, но изменения его внешнего облика мы не знаем, выражения его лица мы никогда не видим. Отсюда такая слабая ощущимость образов.

Автор обедняет свои возможности. Порой К. Майбогов отдельной внешней деталью может создать эмоциональную окрашенность образа, вызвать по отношению к нему определенное чувство. Очень хороша сцена столкновения деда Бавилы с белогвардейцем. Офицер истерически орет на Бавилу, а тот, спокойно повернувшись, медленно уходит. «Потный, обросший рыжими волосами палец лежал на спусковом крючке». И эта внешняя деталь усиливает наше отвращение к бандиту. Но К. Майбогов редко использует прием подачи образа через внешний рисунок.

Автор, не доверяя своим героям, стремится постоянно объяснять их. И поступки, действия героев порой превращаются лишь в иллюстрацию к этим объяснениям. Не надо подсказывать, что представляет собою герой, надо раскрыть его в его поступках, помыслах, отношениях к людям. Читатель сам поймет, в чем достоинство и сила образа.

Авторская речь отличается стремлением к простоте и точности. Нет засоренности диалектными говорами, просторечием. Встречается целый ряд удачных образов. И все-таки К. Майбогову предстоит еще огромная работа над языком.

В авторской речи то и дело появляется трескучая сухость газетного языка. Особенно это ощутимо, когда вводится исторический материал.

Все время ощущаешь стиль газетной информации, нет попыток образной подачи исторических событий, надоедливо звучат штампы («развили широкую деятельность», «готовились к схватке с ненавистным врагом», «налажена тесная связь», «получили указание», «по заданию штаба»). Заметна образная обедненность, часто повторяются одни и те же образы: «в небе загорелись редкие яркие звезды», «в небе одна за другой вспыхивали яркие звезды», «в синем небе одна за другой вспыхивали яркие звезды», «на синем небе сверкали яркие звезды».

Обыкновенно мотив «яркие звезды» дается в конце главы, и это создает скучное однообразие.

Встречаются в авторской речи нарочитые и неестественные образы («над его головой нависла глазастая смерть»), повторение одних и тех же сравнений («далекие звезды, словно шахтерские лампочки, сверкают золотыми

огоньками», «мерцающими точками горели далекие звезды. Да и звезды ли это были?! Не армия ли шахтеров с лампочками в руках»).

Стремясь к образности, автор в некоторых местах становится на путь создания поэтических красавостей, ложных украшений. О девушке-горячке К. Майбогов пишет так: «У Кати Ковалевой, словно две жемчужины, трепетали на длинных бархатисто-черных ресницах слезинки. Вот они дрогнули и быстро-быстро покатились по щекам, а потом хрусталиками упали на черную доску парты», «Губы девушки были сомкнуты, словно прильнули друг к другу алые лепестки».

Жемчужины, хрусталики, алые лепестки — все это старые, штампованные атрибуты ложной поэтичности. К. Майбогов не нашел еще своих образов, полных жизни, энергии. Над образной структурой языка автору еще упорно надо работать, добиваясь простоты, живости и многообразия.

Пейзаж в романе К. Майбогова играет различную композиционную роль. Он то служит средством обрисовки места действия, то вплетается в настроения героев, то служит средством эмоциональной окрашенности. Есть у К. Майбогова выразительные места. Например: разыгрывается драматическая сцена между Федором Медведевым и его сестрой. Федор убил Груньку, предавшую врагу комсомольца Кронида. В контрасте с этой напряженной сценой дана маленькая зарисовка природы: «Ветер задумчиво шуршал листвой орешника», которая усиливает общее впечатление.

Однако иногда автор затрудняется найти нужные образы для оживления природы, и в его рисунке блекнут краски приморской осени, длинное перечисление пород деревьев, естественно, не придает выразительности пейзажу. Очень любит К. Майбогов рисовать ночь. Чуть ли не в каждой главе у него «черная непролазная ночь» или «ночь, сверкающая звездами».

В целом пейзаж слабо использован в целях углубления образов и идейного содержания произведения. Так композиционная рыхłość, схематизм, отсутствие психологической глубины в обрисовке характеров, ограниченный круг приемов создания образов, образная обедненность языка обесценивают произведение, снижают его

Художники ходят по главкам, навязывают заказы. «Опыт предыдущих лет... Голландская живопись... По инициативе товарища Беленького...» Деньги дают легко. Главконсерв. Тахоксыре. Главчай. Товарищ Махарадзе. Деньги дали из фонда поощрения изобретений⁴⁷.

Композиторы уже ничего не делали, только писали друг на друга доносы на нотной бумаге⁴⁸.

Истощенные беспорядочными половыми сношениями и абортами, смогут ли они что-нибудь написать?

Вот здесь-то и разыгралась величественная эпопея под названием: «Пушкин, Пушкин, где вы?»

Веселые паралитики.

«Пойдем в немецкий город Бремен и сделаемся там уличными музыкантами».

В одной комнате собирались сумбурники, какофонисты, бракодельцы и пачкуны⁴⁹.

На съезд животноводов приехал восьмидесятилетний пастух из Азербайджана. Он вышел на кафедру, посмотрел вокруг и сказал: «Это какой-то дивный сон».

Встретил коварного старика в золотых очках⁵⁰.

Позавчера ел тельное. Странное блюдо! Тельное. Съел тельное, надел исподнее и поехал в ночное. Идиллия.

Лондонское радио: «Жизнь короля Георга Пятого медленно движется к своему концу».

Вчера в меню было «пуре» и «булесы куриные».

Архитектурная прогулка: вестибюль гостиницы «Москва», магазин «ТЭЖЭ» в том же доме и здание тяговой подстанции метро на Никитской улице, вдохновенное создание архитектора Фридмана.

Полное медицинское счастье. Дом отдыха милиционеров. По вечерам они грустно чистили сапоги все вместе или с перепугу бешено стреляли в воздух.

сентябрь — апрель

идейную значимость. Из-за художественных погрешностей образы коммунистов становятся схематичными, красота души, сила их характеров не получает рельефного воплощения, отсюда и проблема партии и народа приобретает схематизм, лишается жизненных красок. Образ героического народа становится обедненным.

В романе собран большой жизненный материал, выдвинуты важные и интересные проблемы, намечены верные линии решения их, есть ряд удачных эпизодов и образов — все это создает безусловную ценность произведения, главным образом, ценность познавательную. Но глубокого эстетического наслаждения роман не дает. Берешь книгу с волнением, ждешь, что перед тобой сейчас оживет геройка прошлого, история родного Приморья, возникнут образы, увлекающие на подвиг, раскроется чудесное богатство человеческой души. Но произведение К. Майбогова слабо действует на эмоции читателя, не зажигает сердца его. Причина этого — художественное несовершенство, образная вялость. Отдельные удачи, живые страницы теряются среди сухих информаций, лишенных жизненности и красок описаний, главное исчезает под наплывом второстепенных мелочей.

В сравнении с начальным вариантом первого тома мастерство К. Майбогова возросло, возросло заметно. Однако свое творческое дарование автор не использовал максимально, не отточил он свой поэтический стиль.

Читатель вправе верить, что совершенствование безусловно имеющихся творческих возможностей автора приведет к тому, что нужная приморскому читателю книга — роман К. Майбогова «Черный камень» — во второй редакции приобретет силу эмоционального воздействия и станет ярким произведением, воспитывающим чудесные человеческие качества.

